

На правах рукописи

Пяткова Наталия Сергеевна

**А.А. ФЕТ – ПЕРЕВОДЧИК
СЕКСТА ПРОПЕРЦИЯ**

Специальность 10.01.01 – русская литература

Автореферат
диссертации на соискание ученой степени
кандидата филологических наук

Томск - 2010

Работа выполнена на кафедре русской и зарубежной литературы
ГОУ ВПО «Томский государственный университет»

Научный руководитель: доктор филологических наук, профессор
Жилякова Эмма Михайловна

Официальные оппоненты: доктор филологических наук
Косяков Геннадий Викторович

кандидат филологических наук
Красман Вера Александровна

Ведущая организация: ГОУ ВПО «Петрозаводский
государственный университет»

Защита состоится 19 мая 2010 г. в ___ ч. ___ мин. на заседании диссертационного совета Д 212.267.05 по присуждению ученой степени доктора филологических наук при ГОУ ВПО «Томский государственный университет» по адресу: 634050, г. Томск, пр. Ленина, 36.

С диссертацией можно ознакомиться в Научной библиотеке ГОУ ВПО «Томский государственный университет» по адресу: 634050, г. Томск, пр. Ленина, 34а.

Автореферат разослан «___» апреля 2010 г.

Ученый секретарь
диссертационного совета

В. Жахан

кандидат филологических наук, профессор
харова

Л.А. За-

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Изучение творческого наследия А.А. Фета получило в последние десятилетия необычайный подъем, обусловленный пробудившимся интересом современного общества к вопросам духовной культуры и в частности – к античности.

Актуальность диссертационного исследования обусловлена интересом современной филологической науки к наследию мировой культуры, начиная с античности, повышенным вниманием современного литературоведения к вопросам рецептивной поэтики, включающей переводоведение.

А.А. Фет, испытавший мощное влияние античной культуры с первых шагов творчества, на протяжении всей жизни выступал как автор антологических стихотворений и как переводчик римских классиков. Переводы древнеримских лириков I в. до н.э. – Катулла, Тибулла, Овидия и Проперция – сделаны Фетом в 1880-е годы, во время создания «Вечерних огней». Датировать перевод «Элегий» Проперция правильнее всего будет периодом 1883-1887 гг.

На протяжении XVIII-XIX веков к творчеству Проперция обращались В.К. Третьяковский, А.П. Сумароков, М.Н. Муравьев, И.И. Дмитриев, К.Ф. Рылеев, А.Ф. Мерзляков, П.А. Межаков, С.Ф. Дуров и другие. Во второй половине XIX века отдельные элегии Проперция переводились И.П. Крешевым (публикации 1857-1862), И.И. Холодняком (1888), Ф.Е. Коршем (1899), К. С-ским (предположительно К.К. Случевским, 1888). Все «Элегии» Проперция были переведены в XIX веке только А.А. Фетом, а в XX веке – Л.Е. Остроумовым и А.И. Любжиным.

Принципы фетовского перевода классических авторов остаются вопросом острой дискуссии на протяжении полутора веков: принципы «точного» перевода подвергались жесточайшей критике. В XX веке работы А.В. Успенской, Н.П. Генераловой, А.В. Ачкасова и других исследователей¹ показали, что у Фета была продуманная система перевода и он «прекрасно понимал разницу между буквализмом и передачей поэтического строя оригинала»².

В качестве **объекта** исследования выбраны «Элегии» Проперция в переводе А.А. Фета и четыре книги элегий Проперция – «*Sex. Propertii elegiarum. Libri IV*». Подстрочный перевод элегий Проперция был осуществлен на основе

---

¹ Асланова Г.Д. Афанасий Фет – переводчик латинских поэтов // Проблемы изучения жизни и творчества А.А.Фета : межвуз. сб. науч. трудов. Курск, 1990. С. 49-55; Успенская А.В. Антологическая поэзия А.А. Фета. СПб., 1997. С. 15-28; Коковина Н.З. Фет в работе над поэзией Горация // А.А. Фет и русская литература : XVI фетовские чтения. Курск, 2002. С. 57-66; Ачкасов А.В. Переводческие принципы А.А. Фета: традиции и новаторство // Традиции в контексте русской культуры : сб. науч. работ. Череповец, 2002. Вып. IX. С. 156-172; Успенская А.В. Греческие переводы Фета // А.А. Фет и русская литература : материалы всерос. науч. конф. Курск, 2003. С. 160-166; Ачкасов А.В. Шекспир в переводе Фета в контексте русской переводческой школы середины XIX века // Шекспир У. Антоний и Клеопатра. Перевод А. Фета. Курск, 2003. С. 13-22; Генералова Н.П. О Фете-переводчике // А.А. Фет. Сочинения и письма : в 20 т. СПб., 2004. Т. 2 : Переводы. С. 519-546.

² Генералова Н.П. Указ. соч. С. 525.

трёх изданий элегий Проперция, которыми пользовался при работе над переводами А. Фет: Мюллера, Беренса и Палея³.

Предмет исследования - выявление своеобразия переводческой интерпретации элегий Проперция в переводах А.А. Фета в контексте переводов его предшественников и оригинальной поэзии («Вечерние огни»).

Целью исследования стал комплексный анализ особенностей рецепции А.А. Фетом элегий Проперция в единстве историко-литературного и переводческого аспектов. В соответствии с поставленной целью был определен следующий **круг задач**:

1) рассмотреть вопрос об отношении Фета к классическому наследию античности, его понимание роли и значения античной поэзии для современной русской литературы;

2) исследовать эволюцию поэтической рецепции элегий Проперция в русской поэзии XIX века (К.Н. Батюшков, М.Ю. Лермонтов, А.Н. Майков) как опыт ранне-романтического «прочтения» римского поэта;

3) выявить жанровую природу элегий Проперция (сопряжение лирического и эпического начал) и показать адекватность ей художественной структуры перевода Фета;

4) проанализировать важнейшие смысловые, семантические, стилевые и ритмико-метрические параметры переводов элегий Проперция Фетом на материале сравнительно-сопоставительного анализа целых произведений или их наиболее репрезентативных фрагментов.

Научная новизна работы состоит в том, что:

1) рассмотрено содержание концепта «античность» в философии и эстетике А.А. Фета 1870-1880-х гг. (на материале писем и цикла статей «Из деревни»);

2) впервые предпринято комплексное исследование перевода А.А. Фетом четырех книг «Элегий» Проперция как целостной системы;

3) введены в научный оборот новые материалы, связанные с «проперцианским комплексом» в русской поэзии;

4) поставлен вопрос о влиянии творчества Проперция на позднюю лирику А.А. Фета.

Основными **материалами исследования** стали:

1) оригинальные тексты латинских элегий Проперция - «Sex. Propertii elegiarum. Libri IV»;

2) перевод А.А. Фета четырех книг «Элегий» Проперция, цикл статей Фета «Из деревни (Заметки о вольнонаемном труде)» (1862-1871);

3) материалы русской рецепции и перевода из Проперция К.Н. Батюшкова (стихотворение «Тень друга»), М.Ю. Лермонтова (стихотворение «К*** (Не ты, но судьба виновата была...»)), А.Н. Майкова (элегии «Цинтии» и «Туллу»);

---

³ Sex. Propertii Elegiae / Recensuit L. Mueller. Lipsiae, 1870. 138 p.; Sex. Propertii Elegiarum libri IV / Recensuit A. Baehrens. Lipsiae, MDCCCLXXX. 197 p.; Paley F.A. Propertii Carmina. London, 1872. 198 p.

4) работы русских и немецких исследователей творчества Проперция (Ф.Е. Корш, С.С. Аверинцев, И.В. Шталь, F. Solmsen, R. Helm⁴).

Методология работы определяется системным исследованием материала: используются историко-литературный, структурно-типологический, историко-генетический, культурологический, рецептивный методы, анализ «резонантного» восприятия. Методологической основой служат труды по проблемам компаративистики, переводоведения и диалога культур М.П. Алексеева, Ю.Д. Левина, Ю.М. Лотмана, М.М. Бахтина, В.М. Жирмунского, П.М. Топера, В.Н. Топорова, А.В. Михайлова, работы по теории жанра элегии Л.Г. Фризмана, В.Э. Вацура, исследования римской элегии Д.И. Нагуевского, Ф.Е. Корша, С.С. Аверинцева, В.Н. Ярхо, А.А. Тахо-Годи, В.С. Дурова, И.М. Тронского, К.П. Полонской, Т.Г. Мальчуковой, А.В. Успенской, И.В. Шталь.

Теоретическая значимость работы видится в возможности целостного осмысления восприятия А.А. Фетом элегического наследия Проперция, а также значимости латинской элегии как жанра, повлиявшего на специфику оригинального творчества русского поэта.

Материалы исследования могут найти **практическое применение** при чтении академических и специальных курсов по творчеству Фета и творчеству Проперция, в спецкурсах по теории, практике и истории художественного перевода, а также в исследованиях по компаративистике и в эдиционной практике.

Апробация результатов исследования. Основные положения работы изложены в виде докладов на конференциях молодых ученых в Томском государственном университете (2006, 2007, 2008), международном молодежном научном форуме «Ломоносов-2008» (Московский государственный университет, 2008), международном конгрессе «Русская литература в мировом культурном и образовательном пространстве» (Санкт-Петербургский государственный университет, 2008), международной научной студенческой конференции «Студент и научно-технический прогресс. Литературоведение» (Новосибирский государственный университет, 2008), всероссийской научной конференции «Актуальные проблемы классической филологии и сравнительно-исторического языкознания» (Томский государственный университет, 2008), международной научной конференции «Традиции и инновации в лингвистике и лингвистическом образовании» (Томский государственный университет, 2009).

Положения, выносимые на защиту:

---

⁴ Корш Ф.Е. Римская элегия и романтизм // Речь и отчёт, читанные в торжественном собрании Императорского Московского университета 12-го января 1899 года. М., 1899. С. 1-112; Аверинцев С.С. Римский этап античной литературы // Поэтика древнеримской литературы. М., 1989. С. 5-22; Шталь И.В. Поэтика литературного направления: римские «эротомантики» // Поэтика древнеримской литературы. М., 1989. С. 68-92; Solmsen F. Kleine Schriften. [S.l.], 1968. 423 s.; Helm R. Einfuhrung // Properz. Gedichte. Berlin, 1978. S. 9-20.

1) своеобразие перевода «Элегий» Проперция обусловлено творческим дарованием и жизненным опытом А.А. Фета и закономерностями художественного развития русского романтизма в эпоху последней трети XIX века;

2) органичность усвоения Фетом наследия античности и значимость традиций римского лирика для оригинальной поэтической деятельности Фета связана с духовной близостью русского и римского поэтов в вопросах мировосприятия, философии, этики и эстетики;

3) содержание и эволюция переводов элегий Проперция поэтами (Батюшковым, Майковым, Лермонтовым) отражают процесс развития русского романтизма, актуализировавшего различные грани наследия античности на пути формирования «проперцианского комплекса» в творчестве А.С. Пушкина и А.А. Фета;

4) творческие принципы «точного» перевода Фета базируются на традициях романтического понимания античности как идеального воплощения красоты и одновременно отталкиваются от ранне-романтической концепции перевода, утверждая требования точности и истинности в воссоздании оригинала;

5) жанровый подход к изучению перевода А.А. Фета, продиктованный оригинальностью элегий Проперция (контаминация лирического и эпического начал) и принципами «точного» воссоздания оригинала, позволяет исследовать «Элегии» Проперция в переводе А.А. Фета как целостную систему;

6) на создание цикла «Вечерние огни» Фета в определенной степени оказала влияние работа над переводами «Элегий» Проперция.

Структура работы. Текст диссертационного сочинения состоит из введения, пяти глав, заключения, библиографического списка (200 позиций). Основной текст изложен на 191 странице.

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Во **Введении** обосновывается актуальность работы, её научная новизна, теоретическая и практическая значимость; определяется объект исследования, формулируются его цели, задачи и методологические основы; излагается история вопроса; формируются положения, выносимые на защиту.

В **I главе «Концепция античности в творчестве А.А. Фета»** поставлена проблема концепта античности как определяющего философию, этику и эстетику А.А. Фета – поэта и переводчика.

В разделе **1.1. «А.А. Фет и античность. Антологические элегии»** актуализируется проблема антологической лирики в творчестве Фета и истоки знакомства Фета с античностью (как опосредованно, через влияние немецкой и французской литературы, так и непосредственно)⁵. Вопрос о значении античности в творчестве Фета имеет особую значимость, учитывая своеобразие лично-

---

⁵ См.: Бухштаб Б.Я. А.А. Фет: Очерк жизни и творчества. Л., 1974. С. 72; Сухова Н.П. Фет как наследник антологической традиции // Вопросы литературы. 1981. № 7. С. 172-176; Успенская А.В. Антологическая поэзия А.А. Фета. Указ. соч. С. 4-5.

сти Фета, соединявшего в себе талант поэта и практика-реформатора, действовавшего на ниве земледелия. Необычайно ценным источником для характеристики личности Фета того времени (первая половина 1880-х годов), когда он был занят переводами латинских элегиков, является цикл скандально-знаменитых статей «Из деревни (Заметки о вольнонаемном труде)»⁶, опубликованных в 1862-1871 гг. в журнале М.Н. Каткова «Русский Вестник». Содержание статей позволяет говорить о принципиальной важности античной культуры в поэтически-практическом мышлении Фета⁷. Упоминание в статьях имени Горация, цитирование стихов из оды «К Помпею Гросфу» и так далее свидетельствуют не только об актуальности для Фета идеи сельской деятельной жизни, на лоне природы, вдали от суеты города. Для Фета античность была культурой, создавшей идеал гармоничного человека, безупречного вкуса, меры, красоты и источником идей, которые позже получают развитие во всей европейской литературе. Принципы красоты Фет распространяет и на практическую деятельность, в раздумьях о которой органично возникают образы античности.

В течение 1883-1887 гг. Фет осуществил перевод трёх римских элегиков – Катутла, Тибулла и Проперция. В Предисловиях к переводам он указал на преобладание у римских лириков жанра элегии. Можно сказать, что в переводах Фета 1880-х годов произошёл элегический взрыв, который вызвал бурное развитие этого жанра в творчестве самого поэта.

Элегии Фета были изначально сопряжены с его антологической лирикой. Определяя своеобразие элегии Фета, А.В. Успенская и Н.П. Сухова используют термин «антологическая элегия», возводя её истоки к образцам пушкинской элегии 1820-х гг.⁸ Отмечая традиционность антологической поэзии Фета, Б.Я. Бухштаб возводит её в основном к двум источникам: написанные александрийским стихом – к элегиям Шенье, элегическим дистихом – к «Римским элегиям» Гёте⁹. Д.Д. Благой отмечает в качестве источника рецепции творчество Гёте и Шиллера. Интересен факт, что, названный исследователями «немецким Проперцием», Гете создал свои «Римские элегии» под влиянием этого античного элегика. В период «Вечерних огней», по наблюдению Д.Д. Благого, Фет «наряду с переводом «Фауста» Гете проделал колоссальную работу по переводу и наиболее значительных творений древнеримской поэзии (помимо окончания перевода всего Горация, переводы элегий Катутла, Тибулла, Проперция, сатир Ювенала, Персия, эпиграмм Марциала, «Метаморфоз» и «Скорбей» Овидия, «Энеиды» Вергилия и др.)»¹⁰.

Раздел 1.2. «Секст Проперций. Личность и творчество» посвящен личности и творческой позиции Проперция (ум. 16 год до н.э.), древнеримского

⁶ Фет А.А. Из деревни (Заметки о вольнонаемном труде) // Сочинения и письма : в 20 т. СПб., 2007. Т. 4. С. 121-388.

⁷ См.: Кошелёв В.А. «Лирическое хозяйство» А.А. Фета // Там же. С. 474-504.

⁸ Сухова Н.П. Лирика А. Фета. М., 2000. С. 19; Успенская А.В. Указ. соч. С. 33.

⁹ Бухштаб Б.Я. Указ. соч. С. 72.

¹⁰ Благой Д.Д. Мир как красота (О «Вечерних огнях» Фета). М., 1975. С. 60-61.

поэта времени правления Октавиана Августа (сер. I в. до н.э. – 14 г. н.э.). Проперций, создавший 4 книги элегий, посвященных возлюбленной - гетере Цинтии, внес большой вклад в развитие римской любовной элегии. Проперций относится к римским эротикам. Римские элегики, по словам В.Г. Белинского, являются представителями так называемого «древнеримского романтизма»¹¹, или, по определению Ф.Е. Корша, «языческого» романтизма¹², предполагающего раскрытие духовного мира героев через обращение к вечной теме любви в высоком поэтическом смысле. При этом «Проперций – верный сторонник александрийской поэзии»¹³. Изучению идейно-художественного своеобразия римских «эрото-романтиков», рассмотренных со стороны литературного направления, посвящена работа современного исследователя И.В. Шталь «Поэтика литературного направления: римские «эрото-романтики». И.В. Шталь, утверждающая необходимость подхода к текстам эрото-романтиков со стороны выявления единого комплекса философско-эстетического содержания, задает научные параметры для исследования перевода «Элегий» Проперция Фетом как целостной системы, включающей в себя элегическую и эпическую природу жанра и особые формы стиля, размера, воссоздающие эту художественную целостность.

Обращение Фета к Проперцию было обусловлено целым рядом причин. Во-первых, известностью римского поэта, оказавшего большое влияние как на современников, так и на новую европейскую литературу, в том числе на творчество Гёте. Во-вторых, Проперция и Фета сближало сходство общественно-политической позиции и эстетических принципов. Проперцию-противнику режима правления принципата Августа, как римским элегикам в целом, было свойственно выражать свое неприятие политического строя с помощью «ухода» в мир поэзии, умолчания о государственных, официальных событиях в своих произведениях. Фет, поэт любви и теоретик «чистого искусства», подобно латинским лирикам, утверждал свой путь деятельного участия в жизни страны – вне официального статуса, а в роли реформатора «на малом пространстве». Поэтическая энергия получала воплощение в малом жанре – в элегии, рассказывающей о человеческих чувствах, переживаниях не государственного, а частного человека, живущего напряженной внутренней жизнью.

Проперций выделялся среди своих поэтов-современников, в число которых входили великие Вергилий, Гораций, Овидий, исключительной погруженностью в изображение любовной страсти. Этой страстностью, драматической напряженностью чувств, искусством передавать психологическую сложность и противоречивость переживания, неиссякаемым жизнелюбием, черпающим силу в идеальном стремлении к любви, Проперций отвечал поэтическому и философскому мироощущению Фета в кризисные 1880-е годы.

---

¹¹ Белинский В.Г. Собрание сочинений : в 9 т. М., 1981. Т. 7. С. 147.

¹² Корш Ф.Е. Указ. соч. С. 99.

¹³ Лосев А.Ф. Античная литература. М., 2005. С. 410.

В разделе 1.3. «Переводческая концепция А.А. Фета» анализируется своеобразие принципов перевода Фета. Содержание переводческих принципов Фета и, в частности, произведений античных авторов представляет собой сложную и большую проблему, которой посвящены исследования М.Л. Гаспарова, Ю.Д. Левина, Н.П. Генераловой, А.В. Успенской, А.В. Ачкасова и других ученых. До настоящего времени переводы Фета из Проперция не были предметом специального исследования. Сложность поставленной проблемы во многом проистекает из особого характера поэтического дарования Фета и содержания эпохи, когда развернулась его деятельность как переводчика римских классиков, в том числе и Проперция. Фет-переводчик не вписывался в парадигму романтического перевода и, начиная с середины XIX века, критика отрицательно отзывалась о переводах Фета. Однако, как показали современные исследования, Фет следовал собственной концепции перевода. В определении принципов точности перевода Фет исходил из теории неперевода чужого текста. Теоретическим обоснованием принципа точности перевода было фетовское понимание-аксиома содержательности формы.

Фет – поэт-романтик не мог не сказаться в переводах многочисленными изменениями оригинального текста. Но отступления не отменяли главного принципа – точности перевода, требования истинности содержания и формы.

В главе II «Восприятие творчества Секста Проперция в России XIX века» перевод Фета рассматривается в системе романтического метода и в процессе его эволюции от 1810-х к 1840-м гг.

В разделе 2.1 «К.Н. Батюшков и Секст Проперций (стихотворение Батюшкова «Тень друга» и VII элегия четвертой книги Проперция «*Sunt aliquid manes: letum non omnia finit*»)» анализируется одна из форм рецепции элегий Проперция в русской поэзии XIX века - использование текста в форме эпитафия (на материале стихотворения Батюшкова «Тень друга»). В поэтическом творчестве Батюшкова имя Проперция встречается лишь однажды¹⁴. Батюшков использует первые стихи VII элегии четвертой книги Проперция – «*Sunt aliquid manes: letum non omnia finit; // Luridaque evictos effugit umbra rogos*¹⁵» - в качестве эпитафия к своему стихотворению «Тень друга». Стихотворение Батюшкова было написано в 1814 году и посвящено погибшему на войне под Лейпцигом другу поэта И.А. Петину. «Тень друга» по своему содержанию и поэтике - характерное произведение для творчества Батюшкова второго периода. Тема гибели любимого человека, составляющая сюжет данного

---

¹⁴ На значение эпитафия из Проперция указал В.Н. Топоров. См.: Топоров В.Н. Пушкин и Проперций. О «резонантном» пространстве литературы // *Colloquia classica et indo-europaea*. Классическая филология и индоевропейское языкознание. СПб., 2000. С. 393.

¹⁵ Propertius. *Sex. Propertii elegiarum libri IV*. Leipzig, 1979. S. 175.

стихотворения, появляется неоднократно, например, в переводах Батюшкова из Петрарки, Парни – «На смерть Лауры», «Привидение» и другие¹⁶.

Жанр стихотворения «Тень друга» исследователи определяют как элегию¹⁷. Эпиграф, взятый из Проперция, моделирует пространственную организацию элегии «Тень друга» – это два мира: мир живых и мир теней (царство душ). С элегией Проперция корреспондирует заглавие стихотворения – «Тень друга»: последний стих VII элегии – «*inter complexus excidit umbra meos*» («Между объятий моих проскользнула тень»). Стих «проскользнувшая тень» из VII элегии Проперция заимствован Батюшковым в качестве заглавия – «Тень друга».

Роль и значение эпиграфа заключается не только в следовании Батюшкова сюжету Проперция, а в первую очередь – в создании художественно-философской перспективы определенного и ясного мироощущения, присущего древним, – памяти о живом за гранью смерти, утверждению «бессмертия земного»¹⁸. Батюшков несколько переосмысляет языческую концепцию Проперция. Он завершает свою статью «Воспоминания о Петине» (1815) словами: «Конечно, есть другая жизнь за пределами земли и другое правосудие; там только ничто доброе не погибнет: есть бессмертие на небе!»¹⁹.

Стихотворение Батюшкова связано с элегией Проперция общностью тем. VII элегия четвертой книги Проперция посвящена нерасторжимой жизненной связи с возлюбленной и после её смерти. Она, как и элегия Батюшкова, по структуре своей трёхчастна. Общим является и основное эмоциональное наполнение стихотворений – переживание утраты бесконечно дорогого человека. Вместе с тем, показательны индивидуальные черты элегии Батюшкова, обусловленные романтическим мировосприятием. Изменяется объект, к которому обращается лирический герой. В элегии Проперция – это возлюбленная, женщина, в элегии Батюшкова – любимый друг. Различен и характер драмы, переживаемой лирическими героями. Для Проперция, древнеримского поэта, Цинтия, во сне вернувшаяся к нему из царства теней, – прежде всего живая возлюбленная, которая, как и при жизни, на что указывают предыдущие элегии, упрекает его в изменах, перечисляет всех его любовниц, сетует на то, что никто не украсил её погребальный костёр. И в конце, как всегда, примиряется с ним. У Батюшкова же видение, образ друга, безмолвно; речь произносит сам лирический герой, обращаясь к созданию духовному, не телесному. Для Проперция переживание есть важнейший момент в контексте земной, чувственной жизни. Для Батюшкова же это драма в контексте вечного и духовного.

---

¹⁶ См. подробнее об этом: Ходанен Л.А. Мотив «смерти друга» в балладе В.А. Жуковского «Ахилл» и в элегии К.Н. Батюшкова «Тень друга»: античные и христианские коннотации // Жуковский и время. Томск, 2007. С. 75-85.

¹⁷ См. об этом: Фрийдман Н.В. Поэзия Батюшкова. М., 1971. С. 160.

¹⁸ Батюшков К.А. Сочинения : в 2 т. М., 1989. Т. 1. С. 307.

¹⁹ Там же.

Свидетельством ориентации Батюшкова на античность является размер. Элегия Проперция написана элегическим дистихом, чередованием гекзаметра и пентаметра. Элегия Батюшкова «Тень друга» - 6-стопным ямбом. Использование такого размера для обращения к античности на русской почве достаточно продуктивно. Именно этим размером будут созданы и вольные переводы Майкова из Проперция.

Таким образом, Батюшков со своей пристрастной любовью к «нежному Тибуллу», которого Белинский называл «римским романтиком», не прошел мимо страстного, драматичного Проперция. Поставив эпиграфом к «Тени друга» первые строки из его VII элегии четвертой книги, Батюшков как бы изначально уравновесил стихию романтического томления по прекрасному, по неопределенно-невыразимому идеалу духовного бессмертия жгучей привязанностью к земной красоте. Обращение к Проперцию оказалось формой драматизации переживания, способом психологизации лирического выражения чувства.

В разделе 2.2. «М.Ю. Лермонтов и Секст Проперций (стихотворения Лермонтова «К*** (Не ты, но судьба виновата была...)» и «К себе» и V элегия второй книги Проперция «*Nos verum est tota te ferri, Cynthia, Roma*»)» рассматривается пример «резонантного» восприятия творчества Проперция в русской романтической поэзии. Проблема «резонантного» пространства литературы была поставлена В.Н. Топоровым в статье «Пушкин и Проперций. О «резонантном» пространстве в русской литературе».

Исследователи творчества М.Ю. Лермонтова связывают истоки его лирики с традициями русской и европейской поэзии. В.Э. Вацуру в статье «Литературная школа Лермонтова» указал на исключительную роль кружка С.Е. Раича в процессе становления молодого Лермонтова, что проявилось, в первую очередь, в ориентации участников кружка на итальянскую поэзию, «неопетраркизм», на характер усвоения батюшковской традиции. Представляется, что в истории становления молодого поэта следует отметить ещё один аспект – связь лирики Лермонтова, а именно стихотворения «К*** (Не ты, но судьба виновата была...)», с античной культурой, в частности с «Элегиями» Проперция.

Большую роль в становлении интереса Лермонтова к творчеству Проперция, несомненно, сыграл один из репетиторов поэта - А.Ф. Мерзляков. В 1826 году Мерзляков переводит три элегии Проперция – II элегию первой книги («К чему тебе наряд, столь пышный, столь блестящий <...>»), XVIII элегию первой книги («Безмолвие окрест; пустыня почивает <...>»), XIX элегию первой книги («Нет, Цинтия, не смерть, не бледны Орка тени <...>»). Лермонтов, вероятно, был знаком с опытами своего учителя, мнением которого дорожил. Сама программа Благородного пансиона, в котором обучался Лермонтов, свидетельствует о направлении обучения, предопределившего интерес Лермонтова к античности, что нашло отражение в его творчестве, и в частности, в раннем цикле 1830-1832 гг., связанном с именем Н.Ф. Ивановой. В этот цикл входит и стихотворение «К*** (Не ты, но судьба виновата была...)».

«Резонанс» в отношении Проперция можно усмотреть, прежде всего, в циклической организации любовных элегий. Книга Проперция представляет собой цикл элегий, посвящённых единственной возлюбленной. Лермонтов создавал свой цикл в то время, когда он мог быть уже знаком с творчеством Проперция. Общим для Проперция и Лермонтова является изображение любовного чувства, характеризующегося резкой сменой переживаний.

Стихотворение «К*** (Не ты, но судьба виновата была...)», развивающее тему любви, измены и неизбежной разлуки, представляет эмоциональную кульминацию всего цикла, что позволяет его сравнить с элегией Проперция «*Nos verum est tota te ferri, Cynthia, Roma*». По внешним признакам (размер и объём) стихотворение «К***» отличается от элегии Проперция, написанной элегическим дистихом. Размер, которым создано стихотворение «К***», – амфибрахий с последовательным чередованием 4-х и 3-х стоп и окончаниями МЖМЖ. Этот размер, по определению М.Л. Гаспарова, является очень редким и не обладает широким семантическим ореолом²⁰. Различие в выборе размера можно объяснить тем, что в художественном мире Лермонтова моделируется особое лирическое чувство, обусловленное во многом влиянием «байронизма». Иной у Лермонтова и объём стихотворного текста в сравнении с Проперцием. В элегии Проперция – 30 не отделённых друг от друга стихов, у Лермонтова – 24 стиха, которые он делит на 6 строф. Но рисунок самого стихотворения, развитие лирического сюжета, характер изображаемого чувства, особенности поэтики – при всём отличии и своеобразии мира Проперция и Лермонтова – свидетельствуют о внутренней художественной ориентации русского поэта на римского элегика.

Таким образом, стихотворение «К***» («Не ты, но судьба виновата была...») можно рассматривать как вольное романтическое подражание (переложение, вариации на тему) V элегии второй книги Проперция. Это является важным моментом становления художественного мышления Лермонтова на пути овладения им искусства глубокого изображения душевной жизни человека.

В разделе **2.3. «Переводы А.Н. Майкова из Секста Проперция»** на материале двух элегий представлен анализ «вольного» перевода из Проперция. Художественный метод Майкова В.Г. Белинский определил как «античный романтизм»²¹, которому была свойственна устремленность к идеальному («культ красоты») и художественно-пластическое совершенство изображения, что проявилось в «подражании» Проперцию. Майков в 1841 году «перевел» две элегии из первой книги «Элегий» Проперция – XI и XIV – и опубликовал их в «Стихотворениях Аполлона Майкова» (СПб., 1858), кн. I. Они имеют подзаголовки «Подражание Проперцию» (С. 115, 117). Переводы Майкова из Проперция выполнены вольно, сам поэт называет «подражанием», однако исследователи относят Майкова к числу переводчиков Проперция. Анализ принципов «подражания» позволяет выявить романтический характер майковской концепции ан-

²⁰ Гаспаров М.Л. Метр и смысл. Об одном механизме культурной памяти. М., 2000. С. 121.

²¹ Белинский В.Г. Указ. соч. Т. 7. С. 87.

тичности. Обе элегии Проперция связаны темой любви поэта к Цинтии, но акцент в «подражательском» исполнении Майкова иной.

В XIV элегии, озаглавленной Майковым «Туллу», Проперций излагает свою жизненную философию, определявшую «пафос» его поэзии, и противопоставляет её величественно-созерцательному отношению к жизни такого важного лица, как Тулл. Вторая часть плавно переходит в третью, в которой Проперций рисует свою возлюбленную, сравнивает её с Венерой. Майков не переводит этой третьей части. Он строит свою композицию единым (без строфического деления) текстом из двух контрастных частей, следуя за Проперцием и одновременно сокращая его текст. Такой характер «подражания», с отсечением целой части, отражает романтическую позицию Майкова: в данном случае на первом месте стоит идея поэтического утверждения культа души, чувства, ценность которых превосходит все блага земные. Цинтия предстает в идеальном образе среди покоя, тишины. Старославянская лексика, используемая Майковым («власы», «персты», «сквозь сонный лепет на устах»), оттеняет высоту переживаний героя. Все стихотворение «Туллу» выдержано в едином ключе: римская античность рисуется как идеальное воплощение красоты и гармонии. Не передается Майковым эпический ритм повествования Проперция, изобилующий анафорами, повторами деталей описания. Вместе с тем Майков стремится к созданию величественного античного колорита, активно используя старославянскую лексику, обилие деепричастных конструкций и размер – 4-стопный ямб ЖМЖМ²².

В переводе XI элегии («Цинтии») Майков также уменьшает объем стихотворения. Элегия Проперция композиционно-стилистически делится на три части. В первой, составленной из трех вопросительных предложений, выражена тревога о том, не забыла ли поэта Цинтия, уехавшая на модный курорт Байи. Во второй части Проперций рисует мучительные сцены воображаемой измены Цинтии и в то же время говорит о своих страданиях и о любви к ней, заменившей ему весь мир и способной сделать его и печальным, и веселым. В заключительной, третьей части Проперций заклинает Цинтию как можно скорее во имя любви покинуть развратные берега Байи. Майков, как и при переводе XIV элегии, не сохраняет строфической формы, а создает единый текст, состоящий (как и у Проперция) из трех частей. Общий эмоциональный строй майковского «подражания» Проперцию, как и в элегии «Туллу», лишен драматического напряжения, свойственного оригиналу. Сохраняя в двух первых частях интонационный строй элегии Проперция, Майков стремится к созданию идеально-прекрасного образа Италии. Сравнение с оригиналом обнаруживает равнодушные Майкова к топонимам элегии Проперция, поэтическая конкретика неаполитанского текста заменена обобщенно-романтическим образом Неаполя. Иная у Майкова концепция любовного чувства и сам образ Цинтии. У Проперция любовь – чувство глубокое и драматическое, а Цинтия – далеко не идеальная,

---

²² По словам М.Л. Гаспарова, семантические окраски ямба восходят именно к античным образам, это один из самых популярных размеров эллинистической анакреонтики. См.: Гаспаров М.Л. Метр и смысл... С. 97.

хотя и страстно любимая. У Майкова же любовь изображается как порыв светлого, устремленного в будущее чувства. В заключительной третьей части Майков полностью расходится с Проперцием. Последние четыре стиха в элегии римского поэта – кульминация в развитии драматического переживания героя: Байи рисуются как смертельная угроза любви. У Майкова в заключительной части поэтическое воображение рисует «младую Цинтию», олицетворяющую романтический идеал красоты.

Таким образом, подражания (или вольный перевод) «из Проперция» А.Н. Майкова дают образец восприятия и творческого овладения элегическим жанром римского поэта в контексте русской романтической поэзии как способа художественного, пластического изображения русской жизни в её идеальном воплощении.

Предмет исследования **III главы «Любовная элегия Проперция в переводе А.А. Фета»** – содержание и художественное воплощение лирического начала элегий Проперция в переводе А. Фета. Поставлен вопрос о влиянии элегий Проперция на создание Фетом сборников «Вечерние огни». В период работы над переводами элегий Проперция (1883-1887) А.А. Фет работал над сборниками стихотворений «Вечерние огни». Исследователи, говоря о «Вечерних огнях», отмечают ряд факторов, влияющих на выпуски последнего сборника стихов Фета. Среди них – влияние философских идей, почерпнутых поэтом из трудов Шопенгауэра; личность самого поэта. В числе важнейших факторов, оказавших сильное влияние на формирование последних сборников Фета, следует назвать древнеримскую поэзию. В период работы над переводами древнеримских элегиков – Тибулла, Катуллы и Проперция – Фет создает ряд любовных стихотворений, которые некоторые исследователи выделяют в отдельный цикл. Не отрицая роли других поэтов, вопрос о влиянии четырех книг элегий Проперция на создание любовного цикла Фета следует выделить особо. Исследователь Д.Д. Благой, как и Б.Я. Бухштаб, замечая очертания любовного цикла, отмечает, что «своими новыми любовными стихами Фет был обязан не только памяти, но и продолжающимся «дарам жизни» - непосредственным и порой, возможно, достаточно сильным новым впечатлениям»²³. Можно говорить о выделении любовного цикла стихов А. Фета, посвященного, возможно, поздней любви поэта. И не случайно, что стихотворения любовного цикла пишутся как раз в период работы над переводами древнеримских элегиков. Как и в четырех книгах элегий Проперция, в цикле стихов Фет обращается к любимой женщине, преклоняясь перед ней, сравнивая её с богиней, солнцем, розой, и неизменно предчувствуя неизбежность разлуки, часто вносимой мотивом пожара и горящих огней. Можно предполагать, что заглавие и содержание четырех выпусков поэтических произведений Фета восходит, среди прочих источников, к «Элегиям» Проперция²⁴.

²³ Благой Д.Д. Указ. соч. С. 86.

²⁴ Исследованию истории заглавия сборников стихотворений Фета «Вечерние огни» посвящена статья Н.П. Генераловой «Кто дал название поэтическим сборникам А.А. Фета «Вечерние огни»?». Исследователь последовательно доказывает непосредственное участие близкого друга Фета и редактора его сборников Н.Н. Страхова в истории создания заглавия (См.: Ге-

Любовные элегии составляют основное содержание первой, второй, третьей и части четвертой книг Проперция. Особенностью I книги является появление дидактического элемента. Об этом свидетельствуют многочисленные обращения к своим друзьям с советами, А.А. Фет в переводах присвоил таким элегиям названия: «К Туллу», «К Бассу», «К Понтику», «К Галлу», «К другу», «К Галлу, желавшему пригласить Цинтию» и др. (элегии I, IV, V, VI, VII, IX, X, XII, XIII, XIV, XX, XXII). Сравнение переводов Фета с оригинальным текстом элегий первой книги Проперция позволяет сделать вывод о стремлении переводчика сохранять все психологические нюансы в изображении многообразных ситуаций любовной коллизии. Вместе с тем Фет допускает отступления от оригинала, которые не меняют картины описываемых переживаний, но придают ей черты, более свойственные сентиментально-романтическому типу личности, нежели античному. Эти изменения касаются сферы переживаний героя, характера отношения его к Цинтии. Фет смягчает очертания духовного облика героини, придает ей мягкость, идеальность, вводя «высокую» лексику старославянизмов или уменьшительно-ласкательные формы при изображении портрета героини, пейзажа в интерьере:

31 donec diversas praecurrens	пока окна напротив луна,	Так покуда Луна, пробежав
luna fenestras ,	бегущая,	по окошк ам напротив,
32 luna moraturis sedula	луна, усердная медлитель-	(Чем бы светить не спеша,
luminibus,	ным светом,	так тороплива Луна),
33 compositos levibus radiis	распахнула сомкнутые глаза	Легким сияньем своим её
patefecit ocellos <...>	лёгкими лучами <...>	очей не раскрыла <...> (I, III, 31-33)

Перевод Фета в первой книге характеризуется исключительной последовательностью в сохранении эмоционального строя – всех вопросов и восклицаний. В отдельных случаях Фет усиливает эмоциональную напряженность, вводя дополнительные знаки для выражения восторженности, порывистости лирического героя.

Во второй книге 34 элегии. Основной темой сборника по-прежнему остаётся любовь к Цинтии, о чем поэт и заявляет в первой же элегии второй книги. Характерной особенностью третьей книги становится расширение тематики. Проперций обращается к различным социальным явлениям, историческим реалиям века принципата Августа. Однако сквозной темой и третьей книги остаётся любовь. Четвертая книга, состоящая из 11 элегий, открывается рядом стихов, содержанием которых являются различные мифы. В привычной форме элегического дистиха поэт пытается создать произведения, стоящие между эпосом и

нералова Н.П. Кто дал название поэтическим сборникам А.А. Фета «Вечерние огни»? // Русская литература : историко-литературный журнал. 2002. № 4. С. 138-142). Влияние Н.Н. Страхова на создание заглавия сборников очевидно, однако вполне возможно, что на согласие Фета повлияла и его работа над переводами «Элегий» Проперция, названных в свое время Овидием «Проперциевыми Огнями». См.: Laharpe J.F. Lycee, ou cours de litterature ancienne et moderne : en 19 vol. Paris, 1799-1805. T. 2. P. 206.

лирикой, изложить древнейшие сказания, связанные с городом Римом. Однако в конце первой же элегии лирический герой заявляет о своем бессилии в стремлении порвать с жанром любовной элегии, воспеть любовь – его призвание.

Среди греческих и римских эгегиков своеобразие Проперция заключалось в особой силе страсти. Говоря об особенностях любовной лирики Проперция, А.А. Фет пишет, что «без Цинтии не было бы самих элегий Проперция»²⁵, поскольку тема любви составляла самую основу его элегий, их суть. Говоря о творческом даре античного поэта, Фет замечает, что «перед нами не простое отражение картин и обстоятельств, а самобытная творческая сила, предающая всему свой духовный отпечаток» (Ф. П. С.11). Далее Фет говорит о том, что «вторым признаком творческой жизненности произведений Проперция служит неисчерпаемое богатство мотивов, которыми он наполнил столь тесный, по видимому, круг любовных стихотворений» (Ф. П. С.12). И именно Фет среди русских поэтов XIX века был как нельзя более близок духу творчества Проперция, его концепции творчества и его пониманию любви, страстности и антиномичности. Особое по силе страсти, построенное на антиномиях, настроение отразилось во всех элегиях Проперция (II, V; II, XVII; II, XVIII; II, XXIV; III, VIII; III, XX; III, XXIV; III, XXV; IV, VIII). Эту особенность элегий Проперция почувствовал А. Фет и смог передать в своих переводах. Более того, противоречивость чувства любви в передаче Проперция оказала влияние и на оригинальное творчество Фета. Д.Д. Благой отмечает, что «в поэзии Фета чувство любви соткано из противоречий (не только радость, но и муки, страдания). Но у него это представляет гармоническое соединение противоположностей»²⁶. Интересным остается вопрос о размере, которым Фет создает свои любовные стихи: преобладают трехсложные размеры. В этом также следует видеть влияние античной традиции.

Таким образом, Фет почувствовал и передал в переводе особую экспрессивность, яркость любовной лирики Проперция, в отдельных стихах даже усиливая её с помощью введения стилистически маркированной лексики и оборотов, не имеющих места в элегии древнеримского поэта. Восприняв и передав максимально точно колорит любовной элегии, Фет вместе с тем при переводе вносит в античную элегию национальную русскую ментальность. Это проявляется не только введением специфических оборотов и лексем, отсылающих читателя к фольклорным истокам («жизнь моя», «отрадно»), но и развитием темы духовности, «души», которой нет в элегии Проперция. Имя Проперция связано с творчеством римских поэтов-лириков века Августа – Горацием, Тибуллом, Катуллом, Овидием, сам поэт постоянно позиционировал себя как лирика, призвание которого «в италийский обряд греческий хор привнести». Проперций,

---

²⁵ Фет А.А. Предисловие // Элегии Секста Проперция. Перевод А. Фета. СПб., 1888. С. 10. Далее цитаты приводятся по указанному источнику с указанием в скобках автора, заглавия и страницы – [Ф. П. С.].

²⁶ Благой Д.Д. Указ. соч. С. 88.

прозвавший себя «Каллимаха тень и Косского призрак Филета», акцентировал своё особое место как лирика сердечных переживаний.

Вместе с тем, многие исследователи указывают на то, что при всей несомненности жанровой принадлежности, элегии Проперция обладают рядом особых черт, выделяющих его стихотворения среди произведений современников. Речь идет об эпических чертах в элегическом творчестве древнеримского поэта.

В IV главе «**Эпическая природа лирики Проперция в переводе А.А. Фета**» показана эпическая природа элегий Проперция и способы её выражения. По признанию исследователя Михаэля фон Альбрехта, автора книги «История римской литературы», «Проперций, вне всякого сомнения, самый красочный и самый трудный из всех элегиков»²⁷. «Трудность» поэтического творчества обуславливается особым поэтическим миром элегий, философской концепции и особым сочетанием двух начал в творчестве – элегического и эпического. Это проявляется в особой пластичности образов элегий Проперция, в синкретизме живописного и поэтического образа. Следование традициям александрийской поэзии обусловило особое качество в элегиях римских поэтов – эпичность, рассматриваемую в современном понимании этой эстетической категории. О возможности использовать определение «эпичность» как термин современного литературоведения при анализе античности, в частности римских «эротомантов», убедительно рассуждает И.В. Шталь, указывая на особенности художественной манеры древнеримских поэтов, которые получают развитие в литературе нового времени как свойства этой литературы, уходящие в традиции древности. В отношении же термина и эстетического понятия «эпичность» при анализе творчества Проперция и перевода А. Фета следует заметить, что само происхождение и развитие римской элегии связано с эпическими жанрами, что проявилось в отмеченной исследователями ориентации римских элегиков на традиции александрийцев. В круг художественных явлений, определяемых как эпическое, входят орнаментальные элементы, по определению М.Л. Гаспарова, включающие сравнения из мира природы и мифологии²⁸.

Эпическая природа элегий Проперция обусловлена характером личности поэта и его художественного дарования. Проперций был обращён в своих элегиях к греческой культуре и литературе, которая традиционно использовала эпические формы. Уже из характеристики источников элегий Проперция можно сделать вывод о несомненном влиянии эпической поэзии на элегии Проперция. На это указывают имена тех поэтов, творчество которых воспринял Проперций: Гомер, Понтик, Вергилий. Жанры, воспринятые Проперцием в своём творчестве, – ода, комедия, эпиграмма – традиционно считаются эпическими. Всё это породило особую черту элегий эпохи Августа и в частности элегий Проперция - особый тип элегического повествования. Описывая его, М. Альб-

²⁷ Альбрехт М. История римской литературы : в 3 т. М., 2004. Т. 2. С. 820.

²⁸ Гаспаров М.Л. Овидий в изгнании // Овидий. Скорбные элегии. Письма с Потна. М., 1978. С. 216.

рехт заметил, что «элегики умеют одновременно воплотить свой жанр в его особо подчеркнутой субъективности и при этом обогатить эпическими элементами. Дело не столько в границах между жанрами, сколько в их взаимодополнении»²⁹.

В разделе 4.1. «Мифологический текст» показано богатство элегий Проперция мифологическими образами, что свидетельствует об ориентации на александрийскую поэзию и является способом введения эпического начала в элегию. Проперций постоянно обращается к греческой и римской мифологии, использует эпос греческого поэта Гомера и римского - Вергилия. Цель этого обращения – включить образ возлюбленной Проперция и тему любви в общечеловеческий контекст, достигая таким образом большей масштабности и всеохватности в изображении любовных переживаний. Вводя сравнения с мифологическими героями и преданиями, Проперций переводит историю во вселенский масштаб.

Стоит отметить некоторую эволюцию мифологического текста от первой к четвертой книге элегий. В первой книге из 20-ти элегий мифологические образы и темы встречаются в 13-ти (за исключением V, VI, VII, X, XI, XII, XVIII). Во второй книге мифологические образы появляются уже во всех элегиях, кроме одной – V. В третьей книге мифологический сюжет не появляется в XXIII, XXIV и в XXV элегиях – элегиях, в которых Проперций пытается порвать со своей возлюбленной. Все это время чаще всего миф используется при характеристике темы любви. Четвертая книга, состоящая из 11 элегий, как считает Д.И. Нагуевский, не содержит введений мифологического текста³⁰. Однако, начиная с I элегии, Проперций, а вслед за ним и Фет, вводит мифы и легендарные события. Таким образом, наблюдается увеличение мифологических деталей от первой книги к четвертой. Фет в переводах передает все без исключения мифологические детали, которые появляются у Проперция. Это позволяет сделать вывод, что мифологический текст как один из способов создания эпического в элегиях Проперция был важен для Фета. При точном переводе Фет допускает изменения стиха Проперция, причем в основном это касается тех элегий, где речь идет о возлюбленной и чувствах, которые испытывает лирический герой:

1 quid iuvat <i>ornato</i> procedere, <i>vita, capillo,</i>	Чем радуется, <i>жизнь</i> , ходить, <i>украсив волосы,</i>	Что за радость, <i>душа</i> , ходить <i>разукрасивши кудри</i>
2 et tenues Coa veste movere sinus, <...>	и волновать на груди тонкую косскую ткань, <...>	И волновать на груди косскую тонкую ткань? <...>
15 non sic Leucippis succendit Castora Phoebe,	Не этим Феба Левкипова воспламенила Кастора,	В Касторе пламень зажгла не этим Левкиппова Феба,
16 Pollucem cultu non Hilaira soror,	Поллука не нарядом сестра Илаиры,	Поллуку мил не наряд был Илаиры сестры.
17 non, Idae et cupido quondam discordia Phoebo,	не тем между Идасом и то- мым любовью Фебом раз-	Спор возбудила не тем меж Идасом когда-то и Фебом

²⁹ Альбрехт М. Указ. соч. С. 820.

³⁰ Нагуевский Д.И. История римской литературы : в 2 т. Казань, 1915. Т. 2. С. 403.

18 Eueni patriis filia litoribus,	лад	Страстным, Эвенова дочь на
	дочь Эвена на отцовских	берегу у отца.
19 nec Phrygium <i>falso traxit</i>	берегах не тем,	и фригийского мужа не
<i>candore</i> maritum	и фригийского мужа не	<i>лживым пленила убранст-</i>
20 aucta externis Hippodamia	<i>лживым блеском притяну-</i>	<i>вом</i>
rotis <...>	<i>ла</i>	Ипподамия, умчась вдаль на
	Ипподамия, умчась на чужих	колесах чужих <...> (I, II, 1-
	колёсах <...>	2, 15-20).

При помощи изменения лексики, метонимических и метафорических переносов Фет русифицирует образ Цинтии, обращается к фольклору и, при сохранении мифологического текста, стремится закрепить и усилить лирический пафос элегий Проперция.

В разделе **4.2. «Римский» текст** анализируется включение исторических реалий, событий, лиц, связанных с историей Греции и Рима, как один из наиболее значимых способов введения эпического. Можно говорить о большом римском тексте, который представлен в четырёх книгах как «римские» элегии, то есть произведения, полностью посвященные Риму, его истории и его героям, и как римские исторические реалии, включенные в любовные элегии. А. Фет, будучи сторонником точного перевода, сохраняет римский текст.

Появление исторического материала в любовных элегиях Проперция позволяет говорить о том, что поэт, вводя новые темы в исконно сложившийся жанр, создаёт новый тип элегии – историческую элегию, придавая частной, личностной, субъективной элегии масштабность в синхроническом и диахроническом аспектах. Фет, вслед за Проперцием, вводит в романтический перевод исторические события, реалии, также сообщая эпическую масштабность личному чувству любви. Изменения, внесенные Фетом в перевод, объясняются как традицией христианской религии, так и характером романтического метода поэта.

В разделе **4.3. «Описание обычаев, примет, обрядов»** демонстрируется, как эпическое вводится в элегии Проперция через описания обычаев и обрядов Греции и Древнего Рима. Это придает масштабность объектам изображения и самой элегической рефлексии поэта: описание обрядов, обычаев содержит в себе информацию о духовных ценностях, представления о мире культурно-историческом, о мудрости древних, обогащающих современных читателей Проперция. Фет в переводе допускает лишь некоторые расхождения. Смысл стиха сохраняется полностью, однако изменяется стилистический акцент: при помощи изменения лексики создаваемым образам придаётся фольклорный, юмористический оттенок, лишаящий изображение пафосности и вносящий в образ элемент интимности, теплоты. Большое количество упоминаний обрядов на протяжении всех четырех книг позволяет сделать вывод, что введение примет, обрядов и обычаев – характерная черта элегий Проперция, сохраняемая Фетом при переводе. Включение обрядов в элегический сюжет позволяет Проперцию и его переводчику Фету воссоздать картину духовного мира героев как предмета эстетически и эпически значимого. Благодаря русификации текста,

ориентированного на сопряжение форм древнеримской поэзии и русского фольклора, Фет формирует художественным путем историческое сознание своего читателя, обнаруживая близость двух великих культур и народов.

В разделе **4.4. «Изображение природы»** показано, как эпическое входит в элегии Проперция благодаря особому характеру описания природы. Присутствие в элегиях описаний природы (от отдельных деталей до развернутых картин) обусловлено философским пониманием природы как вечной стихии жизни, развивающейся по закону цикличности. Однако в элегиях Проперция описание природы выполняет художественно-эстетические функции, сохраняя информативность и научность содержания. Характер зарисовок природы у Проперция приближает его элегии к идиллиям. Описания охоты, сельского хозяйства, жизни земледельцев, простого народа лишены отвлечённости, возвышенности, свойственной элегическому жанру, это вполне реальный, богатый деталями, пластически завершённый образ. Введение эпических картин природы в элегию Проперция выполняет несколько функций: описание природы вводится при характеристике образа возлюбленной; обращение к природе связано со стремлением Проперция передать различные оттенки чувства любви, испытываемого лирическим героем; описание природы, жизни земледельцев, простого народа в элегиях Проперция вносит в лирический текст ощущение быстро меняющейся рядом жизни, прошлого и настоящего. Причем прошлое выступает идеальным временем по отношению к неидеальному, порочному настоящему. Природа описывается Проперцием при сравнении светской жизни (развратной) и деревенской (чистой). Природные явления, образы используются Проперцием в описании мифических событий. Таким образом, введение описания природы в элегии Проперция выполняет сложный комплекс функций, привнося в элегию эпические черты и выводя конкретное в общее и более широкое время и пространство. Фет, создавая очень близкий перевод элегий, усиливает эпичность и придает новое звучание, включая в описание древнего античного мира черты русского национального колорита.

У глава «Ритмико-синтаксическая организация элегий Проперция в переводе А.А. Фета» представляет собой анализ ритмико-синтаксической организации элегий Проперция (размер, анжамбеман, синтаксис) и её художественной функции в переводе Фета.

Раздел **5.1. «Прием анжамбемана»** посвящен использованию одной из ярких черт элегий Проперция – использованию многочисленных анжамбеманов, что отобразил в переводах и А. Фет. У Проперция анжамбеман встречается в каждой элегии, от первой до четвертой книги, часто по несколько раз в пределах одной элегии. Такое пристрастие к употреблению анжамбеманов Проперцием может иметь несколько причин. Во-первых, анжамбеман - это характерная черта греческой поэзии, известная и римской античной метрике. Во-вторых, анжамбеман – характерная черта романтической поэзии, и это также может служить причиной большого их количества в элегиях Проперция, которого ис-

следователи называют «римским эрото-романтиком»³¹. При переводе элегий Проперция А. Фет сохраняет практически все употребления анжамбеманов, допуская, однако, и некоторые изменения синтаксической структуры приема «переноса»:

25 qua formosa suo Clitumnus flumina luco	Там, где Клитумн своей ро- щей красивый <i>поток</i>	Там, где рощей Клитумн красивый поток осеняет
26 integit et niveos abluit unda boves <...>	<i>покрывает</i> и моет волной белоснежных быков <...>	И белоснежных быков моет своею волной <...> (II, XIX, 25-26)

Такое внимание к анжамбеману со стороны Фета не является необычным. Во-первых, этот прием был очень распространен среди русских романтиков, и в творчестве Фета представлен достаточно широко. Во-вторых, сохранение анжамбеманов элегий Проперция А. Фетом объясняется переводческой установкой поэта. А. Фет очень осторожно относился к ритмической и синтаксической организации стиха, к форме стихотворения. Поэтому сохранение в переводе приемов элегий Проперция является принципиальным вопросом.

Если единичные анжамбеманы служат средством интонационного выделения отсеченных стихоразделом отрезков фразы, то в элегиях Проперция многочисленные анжамбеманы создают прозаизированную интонацию, иногда практически нивелирующую стихотворный ритм. Чаще всего Проперций использует вид анжамбемана *rejet*. А. Фет, переводя используемый Проперцием прием «переброса»³², нередко изменяет его тип, тем самым усиливая драматизм ситуации. Показательно, что А. Фет использует прием «переброса» там, где его нет у Проперция.

Прием анжамбемана, присутствуя практически в каждой элегии Проперция и в переводах Фета, реализует несколько функций: во-первых, использование анжамбемана является значительным выразительным средством, придавая стиху драматичность. Этот прием сохраняется и в переводах А. Фета. Во-вторых, анжамбеман служит созданию единого образа, являясь связующим звеном между поэтическими стихами, позволяя одновременно сохранить и целостность, и динамичность. В-третьих, использование анжамбемана подчеркивает эмоциональность восприятия поэтом всей изображаемой картины. В-четвертых, анжамбеман служит для выделения значимых слов в стихе, акцентируя важные моменты. Обилие анжамбеманов у Проперция и Фета вводит в повествовательное русло возвышенный материал любовной элегии, способствует развитию повествовательного начала, что является одним из способов проникновения эпического в элегию.

В разделе **5.2. «Особенности поэтического языка элегий Проперция»** анализируется сложный синтаксис стиха Проперция, обилие причастий и причастных оборотов, сложных, составных прилагательных. В поэтическом языке

³¹ Шталь И.В. Указ. соч. С. 72.

³² Шенгели Г.А. Техника стиха. М., 1960. С. 35.

Проперция обилие причастий и особенно сложных прилагательных придают любовной элегии звучание, отсылающее читателей к эпическому тексту. Фет, безусловно уловив это звучание, не отказывается от причастий и сложных прилагательных в переводе: они присутствуют в большом количестве в каждой элегии. Помимо одиночных причастий Проперций несколько реже использует причастные обороты. Пояснительные слова, входящие в причастный оборот, усиливают живописность описания. Причастные обороты очень часто выполняют экспрессивную функцию.

Отдельный интерес представляют собой деепричастия в стихе Фета. В латинском языке нет деепричастия как части речи. По сравнению с причастиями деепричастия обладают большей глагольностью, что обусловлено их семантико-синтаксической связью с глаголом-сказуемым. Обозначая добавочное действие, деепричастия придают речи особую живость, наглядность, создавая динамическое описание образа. В стихе Фета при переводе латинских форм деепричастные формы встречаются практически столь же часто, как и причастные. Использование деепричастий позволяет Фету расставить акценты на первичном и второстепенном по важности для поэта действии.

Одна из характерных черт поэтического языка Проперция – использование сложных прилагательных. Сложные прилагательные со времен Гомера, переводов Гнедича и Жуковского являются характерной чертой эпоса³³. Фет не только не отказывается от сложных прилагательных в переводе, но и вводит составные прилагательные порой даже там, где их нет у Проперция. Это известный в практике русского перевода прием, его использовал при переводе «Одиссеи» Жуковский³⁴. Введение Фетом сложных составных прилагательных служило цели передачи тона оригинального стиха, в особенности же - его эпического звучания.

В разделе **5.3. «Размер»** представлена метрическая характеристика стиха Проперция и переводов Фета. Все элегии четырех книг Проперция созданы элегическим дистихом, исконной метрической и в то же время строфической формой древнегреческой элегии. Использование Проперцием элегического дистиха для создания элегий не было отступлением от нормы того времени, однако размер в четырёх книгах получил некоторые особенности, не свойственные поэзии рубежа веков (I в. до н.э. – I в. н.э.).

При переводе элегий Проперция Фет также использует элегический дистих. И это имеет принципиальное значение: все переводы Фета отличаются ритмическим своеобразием.

Яркой чертой размера Проперция являются гекзаметр со спондеической пятой стопой, использование моносиллабов в абсолютном конце гекзаметра. По

³³ См.: Макушкина С.Ю. В.А. Жуковский и Гомер (путь к эпосу) : автореф. дис. ... канд. филол. наук. Томск, 2002. С. 15.

³⁴ Жуковский вводил сложные эпитеты даже там, где их не было у Гомера. По замечанию С.Ю. Макушкиной, этим он достигал своей главной задачи - «соответствовать тону гомеровской поэмы». См.: Макушкина С.Ю. Указ. соч. С. 15.

замечанию исследователей, моносиллабы использовались поэтами для архаизации стиха, в подражание греческой поэзии и отсылают к эпической традиции стиха Гомера. Использование односложников в абсолютном исходе гекзаметра встречается в четырех книгах элегий Проперция очень часто, и, как правило, вызывает использование анжамбемана. Фету не всегда удается сохранить моносиллабы при переводе, тем не менее, с помощью анжамбемана он стремится достигнуть эффекта, близкого стиху Проперция. Фет приспособливает, насколько это возможно, русский язык под латинский размер. Использование моносиллабов, анжамбемана позволяет создать образ в его целостности, неразрывности, связывая первую и вторую строки.

В Заключении подведены основные итоги и намечены перспективы исследования. В работе предпринята попытка комплексного рассмотрения переводов Фетом четырех книг «Элегий» Проперция в контексте русской романтической переводческой традиции на материале стихотворений К.Н. Батюшкова, А.Н. Майкова, М.Ю. Лермонтова как наиболее репрезентативных представителей разных способов творческой переработки материалов элегий Проперция.

Предметом исследования в работе стали различные варианты обращения к творчеству Проперция русских романтиков XIX века, что помогло отразить процесс развития русского романтического перевода, разные грани осмысления, восприятия концепта античности. Поставленная проблема переводческой концепции Фета позволила характеризовать переводческую концепцию поэта, вслед за А.В. Успенской, Н.П. Генераловой, А.В. Ачкасовым и другими, не как «буквалистскую», а как стремящуюся к точности передачи духа оригинала путем максимального сохранения подобающей ему формы.

Фет, следуя своей концепции максимально близкого перевода, в стремлении передать дух оригинала сохранил синтаксические конструкции стиха Проперция – частое употребление причастий, деепричастий, анжамбеманов – и максимально приблизился к размеру. В стремлении точной передачи тематического и образного наполнения элегий Проперция Фет, вслед за римским элегиком, использует чередование гекзаметра и пентаметра, при этом стараясь максимально сохранить особенности размера Проперция - использование гекзаметра со спондеической пятой стопой и моносиллабов в абсолютном исходе гекзаметра.

Создав очень близкий, практически точный перевод элегий Проперция, сохранив формальное сходство, Фет, тем не менее, допускает значительные расхождения с оригиналом, что служит дополнительным опровержением теории о «Фете-буквалисте». Некоторые расхождения, конечно, следует объяснить разницей языкового строя латинского и русского языков. Однако Фет, почувствовав особую контаминацию элегического и эпического начал в творчестве Проперция и передав её на русской почве, внес в перевод характерные черты романтической традиции. В числе несвойственных стиху Проперция черт в переводе Фета можно выделить христианские религиозные образы, фольклорные черты, усиленную поэтизацию образов, что достигается введением уменьши-

тельно-ласкательных форм, возвышенной лексики старославянского языка, а также просторечий, разговорных выражений. При всех отступлениях, обусловленных типом поэтического метода поэта, Фет наиболее близко воспринял и перевел элегии Проперция не только среди своих современников, но и среди более поздних переводов.

Значение творчества Проперция для Фета оказалось столь велико, что, по всей видимости, сыграло свою роль в выборе названия последних выпусков стихотворений – «Вечерние огни», послужило одним из катализаторов создания позднего цикла любовных стихотворений.

Перспективой исследования может стать изучение опыта других поэтов, обращавшихся к творчеству Проперция: в работу не вошли переводы и подражания, которыми было представлено творчество Проперция в России в XIX веке – М.Н. Муравьева, И.И. Дмитриева, К.Ф. Рылеева, А.Ф. Мерзлякова, П.А. Межакова, С.Ф. Дурова, Ф.К. Сологуба и других. Проблема «Пушкин и Проперций», поставленная в работе В.Н. Топорова, ждет отдельного исследования. Перспективой для истории, теории и практики переводоведения может быть глубокое и всестороннее исследование опыта Фета – переводчика Катулла, Тибулла, Овидия. Актуальным представляется факт обращения к наследию Проперция отечественных поэтов XX века (И. Бродский, Т. Кибиров).

Основные положения диссертации отражены в следующих публикациях:

1. Пяткова Н.С. Мотивы 5-й элегии II книги Проперция в раннем творчестве Лермонтова (на примере стихотворения «К*** (Не ты, но судьба виновата была)») // Вестник Томского государственного университета. – 2009.

№ 323 (июнь). – С. 49-52.

2. Пяткова Н.С. Две элегии «К Цинтии» Проперция в переводе А.А. Фета // Вестник Томского государственного университета : бюллетень оперативной научной информации. – 2006. - № 84 (август). – С. 69-75.

3. Пяткова Н.С. Переводы А. Майкова из Проперция // Актуальные проблемы лингвистики и литературоведения : мат-лы XIX Всерос. науч.-практ. конф. молодых ученых, 18-19 апреля 2008 г. – Томск : Изд-во Том. гос. ун-та, 2008. – Вып. 9, ч. 1 : Литературоведение. – С. 148-153.

4. Пяткова Н.С. Концепция переводов А. Фета (на материале элегий Проперция) // Русская литература в мировом культурном и образовательном пространстве : мат-лы конгресса (г. Санкт-Петербург, 15-17 окт., 2008 г.). – СПб., 2008. – С. 66-71.

5. Пяткова Н.С. Стихотворение Лермонтова «К*** (Не ты, но судьба...)» и элегия Проперция «Nos verum est tota te ferri, Cynthia, Roma» // Ломоносов. Секция Филология : мат-лы XV Междунар. науч. конф. студентов, аспирантов и молодых ученых. – М. : Изд-во Моск. ун-та, 2008. – С. 448-451.

6. Пяткова Н.С. К.Н. Батюшков и Секст Проперций (Стихотворение Батюшкова «Тень друга» и 7-я элегия 4-й книги Проперция «Sunt aliquid manes: letum non omnia finit») // Актуальные проблемы классической филологии и сравнительно-исторического языкознания : мат-лы VI Всерос. науч. конф. и регион. науч.-метод. совета по классической филологии. – Томск : Изд-во Том. гос. ун-та, 2008. – С. 154-160.

7. Пяткова Н.С. «Римский» текст элегий Проперция в переводе А. Фета // Актуальные проблемы гуманитарных и естественных наук : журнал научных публикаций (Филологические науки). – 2009. - № 3 (март). - С. 115-122.

8. Пяткова Н.С. Прием анжамбемана элегий Проперция в переводе А. Фета // Традиции и инновации в лингвистике и лингвистическом образовании : сб. мат-лов Междунар. науч. конф. (Томск, 23-24 октября 2009 г.). – Томск, 2009. – С. 290-293.